

ШЕРЛОК ХОЛМС И ЕГО ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Английский писатель А. Конан Дойл (1859—1930) написал много произведений, в том числе исторических романов, но известность его основана преимущественно на детективных новеллах, повествующих о приключениях Шерлока Холмса.

Имя Шерлока Холмса, героя этой книги, весьма популярно. Больше полвека прошло с момента его появления на страницах рассказов А. Конан Дойла, но Холмс продолжает увлекать читателя своими похождениями, своим умением распутывать сложные, загадочные, таинственные преступления.

Образ, созданный Конан Дойлом, давно отделился от создавшего его автора и зажил в восприятии читателя совершенно самостоятельно, не как литературный персонаж, а как реальный человек, со своим отношением к жизни, со своими взглядами на вещи и события.

Многое в Шерлоке Холмсе оправдывает такой повышенный интерес читателя к нему. Он очень умен, наблюдателен, изобретателен, находчив. Он обладает остротой глаза, способностью замечать мельчайшие, казалось бы, совсем несущественные детали, умеет сопоставить их, связать воедино, сделать из своих наблюдений правильные выводы. Он больше верит этим мелочам, чем бросающимся в глаза и на первый взгляд непроверяемым уликам. Так, в рассказе «Тайна Боскомбской долины» ряд обстоятельств свидетельствует о том, что убийцей, очевидно, является сын убитого. Однако Шерлок Холмс по нескольким мелким фактам в обстановке убийства и по некоторым штрихам в поведении мнимого преступника заключает, что дело обстояло совсем не так, как это кажется. Анализируя ряд мелочей, представляющихся неопытному глазу совершенно несущественными, Шерлок Холмс рисует портрет подлинного убийцы, и его предположения блестяще оправдываются. Шерлок

Холмс не устает издеваться над официальными, казенными сыщиками — Лестрэдом и Грегсоном, именно за то, что они упускают важные, но неприметные для невнимательного человека детали, по которым только и можно восстановить истинную картину случившегося.

Конан Дойл рисует Шерлока Холмса исключительно тонким и проницательным человеком. Холмс может сказать только что вошедшему в комнату человеку, какова его профессия, откуда и когда он приехал, чем он занимался ранее. По случайно найденной помятой и потрепанной шляпе он определяет возраст, вкусы, общественное положение человека, характер его семейной жизни и даже то, что в его доме нет газового освещения. Сидя рядом со своим другом Ватсоном, неизменным своим спутником, Холмс по ряду мелочей способен рассказать ему, о чем тот в эту минуту думает. Именно таким путем строит свои выводы Холмс и при раскрытии преступлений: для него пепел сигары, след велосипедной шины, потертый рукав пиджака, пятна грязи на одежде человека — более красноречивые и точные свидетели происшедшего, чем бросающиеся в глаза улики. Он верит не тому, что увидит каждый, а тому, чего почти никто не замечает.

Как же Шерлок Холмс добивается успеха? На чем основан его метод? Шерлок Холмс подходит к своему делу как истинный сын своего времени, своей эпохи и того общества, в котором он живет. XIX век, в конце которого Шерлок Холмс появился на страницах рассказов А. Конан Дойла, характерен необыкновенным до того развитием естественно-научных знаний. Наука проникла во многие тайны природы, казавшиеся ранее загадочными и необъяснимыми. И вот Шерлок Холмс стремится научно обосновать работу сыщика. У него «страсть к точным знаниям». Расследование преступлений он хочет превратить в такую же точную науку, как естествознание: — «Ногти на пальцах рук, рукава костюма, обувь, колени

брюк, мозоли на большом и на указательном пальцах, выражение лица, манжеты рубашки — все эти мелочи позволяют отгадать профессию человека. Почти невероятно, чтобы в каком-либо случае всех этих признаков, вместе взятых, не было бы достаточно для опытного исследователя». Такой подход Холмса к людям и явлениям во многом оправдан. Подход этот основан на представлении о том, что все явления мира вытекают одно из другого, и нет мелочей, которые не были бы связаны с большими, важными явлениями жизни; и в свою очередь, нет таких важных, существенных явлений жизни, которые не проявляли бы себя, не встречались бы нам ежедневно в виде каких-либо несущественных на первый взгляд мелочей. «Из наблюдения над каплей воды логически мыслящий ум может заключить о возможности существования Атлантического океана или Ниагары, без предварительного знания о существовании того или другого. Вся жизнь — это великая цепь, природу которой можно познать из отдельного ее звена», — таковы главные положения той науки расследования преступлений, которую хочет ввести в жизнь Шерлок Холмс вместо кустарщины и поверхностного, шаблонного суждения о вещах, свойственных сыщикам-профессионалам. Но не только от казенных сыщиков с их шаблонным мышлением отличается Шерлок Холмс — сыщик-любитель, он отличается и от своих литературных предшественников, героев приключенческой литературы, существовавшей до Конан Дойла. Конан Дойл с детства увлекался этой литературой, он с упоением читал Майн-Рида, Габорио и подобных им писателей, но, создавая своего героя, сознательно противопоставлял его героям этих книг. И надо отдать справедливость Конан Дойлу: в его сыщике-любители весьма немного идет от литературной традиции, — в Шерлоке Холмсе отразились характерные черты той буржуазной эпохи, в которой он возник, черты того общества, которому он с таким искусством и с такой

преданностью служил. Именно в эпохе и ее общественных отношениях следует искать объяснение образа Шерлока Холмса и разгадку всех его качеств и особенностей.

Метод Холмса далеко не исчерпывается вниманием к детали. Холмс обладает еще одним качеством, более важным, чем острый глаз. Сопоставляя свой метод с методом официального сыска, Шерлок Холмс никогда не упоминает о самом главном: о понимании механики человеческих отношений в буржуазном обществе. Он знает эту механику значительно лучше, чем его соперники из Скотлэнд-Ярда. Это знание души, это умение уловить наиболее сильные побудительные мотивы поведения человека буржуазного общества, позволяют Шерлоку Холмсу идти на смелые умозаключения и распутывать такие дела, в которых нет «состава преступления», но которые, по признанию самого Холмса, представляют собою «жестокое, эгоистичное и бессердечное мошенничество». В этом плане очень показательны рассказы «Доказательство тождества» и «Человек со вздернутой губой».

В первом из этих рассказов речь идет о коммивояжере по продаже вин мистере Виндибэнке. Этот весьма обеспеченный человек приходит в бешенство при мысли, что его падчерица может выйти замуж и вступить во владение своим личным доходом. При содействии своей жены он придумывает гнусный план, чтобы отвратить девушку от мысли о замужестве. Холмс отлично знает волчьи законы своего общества, в котором алчность является одним из движущих стимулов жизни. Поэтому он так безошибочно угадывает в родной матери и в отчине девушки виновников той проделки, которая, хотя и не представляет собою ничего уголовно-наказуемого, все же очень метко вскрывает существо этих законов. Конан Дойл весьма зло подчеркивает цинизм сложившейся ситуации: когда Шерлок Холмс задерживает мистера Виндибэнка и разоблачает его бессердечное мошенничество, тот нагло упрекает Холмса в «нарушении закона». Вин-

дигбэнк возмущается: «Ничего наказуемого законом я не сделал, но вы, заперев меня в этой комнате, совершаете уголовно-наказуемое действие — насилие над личностью». Мошенник Виндигбэнк, надругавшийся над душой падчерицы и защищающий свободу личности — в этом образе Конан Дойл дал весьма злое и правдивое изображение того мира, в котором живет и действует Шерлок Холмс.

В одном из лучших рассказов о Холмсе — «Человек со вздернутой губой», тоже нет «состава преступления». Более того: в отличие от рассказа «Доказательство тождества» здесь нет и насилия над чужой личностью. Но здесь есть раскрытие такой стороны буржуазного мира, которая делает этот мир не менее отталкивающим, чем насилие над другим человеком. Черта эта: насилие над собственной личностью. Таинственно исчез весьма уважаемый глава семейства мистер Невилль Сент-Клэр. Уродливого, отвратительного калеку Буна Хюга подозревают в убийстве Сент-Клэра. И вот Шерлок Холмс приходит к выводу, что добропорядочный джентльмен Невилль Сент-Клэр и профессиональный нищий Бун Хюг, подозреваемый в убийстве исчезнувшего Сент-Клэра, — на самом деле одно и то же лицо. И на этот раз Шерлок Холмс очень проникательно распутывает дело, потому что он знает, на какие унижения способен человек буржуазного общества в погоне за пенсами и фунтами.

Разоблаченный мистер Сент-Клэр признается: «Вы можете себе представить, как трудно мне было усердно работать за два фунта в неделю, когда я знал, что могу заработать эти два фунта, размалевав себе физиономию и поставив на панель свою шапку. Это была долгая борьба между гордостью и жадной жаждой денег, но под конец фунты одолели». И вот Сент-Клэр начинает жить двойной жизнью: днем он безобразный нищий, а вечером добропорядочный и уважаемый отец семейства. Но это позорная

тайна, и ее ни в коем случае не должны узнать жена и дети. Шерлок Холмс проникает в эту тайну, «просидев ночь на пяти подушках и выкурив унцию табаку», т. е., руководясь не столько уликами, — сами по себе улики эти очень мало объясняют, — сколько своим знанием мира, в котором живет. Он ясно представляет себе эту борьбу между гордостью и жаждой денег и победу, которую одерживают деньги. Раскрытие таких преступлений, ненаказуемых, но еще более страшных, чем наказуемые, свидетельствует о знании психологии человека буржуазного общества и ставит Шерлока Холмса значительно выше его соперников по профессии.

Однако, вместе с тем, читатель убеждается, что собственное Холмсу понимание противоречий психики и поведения человека буржуазного общества вовсе не делает героя Конан Дойла противником того общественного строя, который порождает такие уродства. Шерлок Холмс часто срывает с людей этого общества маску добропорядочности, и все же Холмс и не мыслит о необходимости что-либо менять в окружающем его мире. Психологию мистера Виндибэнка или Сент-Клэра со всей ее двойственностью, с раздирающими ее противоречиями он считает весьма естественной вещью. Холмс иногда откровенно признается, что так хорошо понимает преступников потому, что не считает их исключениями, а видит в их действиях те же мотивы, которыми руководствуются «нормальные» люди. Разница лишь в том, что здесь эти мотивы существуют в более обнаженной, неприкрытой форме. Отсюда и возникает второе его профессиональное правило, которое он называет «умозаключением», но которое по существу является умением мысленно поставить себя самого на место преступника. «Вы знаете, Ватсон, мой метод: в подобных случаях я ставлю себя на место данного человека и, выяснив предварительно уровень его развития, пробую себе представить, как бы я сам действовал на его месте». Ставя себя

на место преступника, Холмс как бы признает, что считает всех людей одинаковыми. Разницу между преступником и «добропорядочным» человеком он видит лишь в том, что в действиях преступника сказываются законы поведения, свойственные всем людям буржуазного общества, в более концентрированном и обнаженном виде.

Этим объясняется отсутствие у Холмса мысли о необходимости и возможности искоренить все и всяческие преступления. Весь свой ум и все свои способности он употребляет на то, чтобы правильно восстановить ход самого преступления. В конце концов Холмс весьма равнодушен к тому, кто преступник — мститель ли за свою поруганную честь («Багровый след»), или хладнокровный негодяй, стремящийся овладеть наследством своих падчериц («Пестрая лента»), знатный ли дворянин («Лига Красноголовых»), или слуга в отеле («Голубой карбункул»). Шерлок Холмс интересуется только обстоятельствами преступления, потому что его главная цель — разгадка процесса преступления. Гордо и не без основания противопоставляя себя и свое искусство грубому ремеслу официальных сыщиков, Шерлок Холмс в самом главном решительно ничем не отличается от своих незадачливых соперников: его, как и их, совершенно не интересует основное, — почему человек пошел на преступление, что его вынудило к этому. Происходит это потому, что законы того буржуазного мира, в котором Холмс живет и действует, он считает вечными и неизблемыми. Ему не приходит в голову, что понять преступление можно, только поняв его социальную природу, и бороться с преступлением можно, борясь не только с преступником, а с социальными условиями буржуазного строя.

Слуга украл у знатной дамы карбункул. — «Славный камешек!.. Сколько преступлений совершено ради него! Дорогой камень — это любимая приманка дьявола... Из-за него совершено два убийства, самоубийство и несколько краж; кого-то облили серной кислотой. Можно

ли подумать, что такая прелестная игрушка ведет к виселице и тюрьме», — так говорит Шерлок Холмс. Но свою задачу, несмотря на такое ясное понимание, что «прелестная игрушка» в его обществе не может не рождать преступлений, он видит лишь в том, чтобы вернуть камень его «законной» владелице. Графиня приобрела карбункул отнюдь не своим трудом, и Шерлок Холмс это прекрасно понимает, но на ее стороне «закон», и Холмс служит «закону».

Если бы Холмс сделал другой вывод из своих рассуждений о карбункуле, этот вывод мог бы привести его к мысли о социальных источниках преступления, о необходимости искоренить такое положение вещей, когда карбункул становится «приманкой дьявола». Но Холмс никогда не идет так далеко, ибо он видит своеобразную поэзию в том, что драгоценный камень является источником целой серии преступлений. Так, по мнению Холмса, и должно быть. Поэтому он оживляется, распутывая темные, запутанные преступления. Поэтому ему нравится не только процесс раскрытия преступления, но нравится само преступление. Жизнь скучна и однообразна — так ему кажется, и так оно и есть в буржуазном обществе. И вот Шерлок Холмс считает, что только преступление делает жизнь интересной и красочной. «Багровая, нить убийства проходит через бесцветную паутину жизни» — так определяет Шерлок Холмс интерес своей профессии, главный интерес своей жизни в рассказе «Багровый след». Ватсон неоднократно говорит о любви Холмса ко всему необычайному. Но совсем нетрудно заметить, что необычайным в жизни Холмс считает только преступление. Остальное все — серая проза обыденного существования. И когда у Холмса вырывается жалоба на жизнь, то характер этой жалобы достаточно красноречив: «В наше время нет преступлений и нет преступников, — говорит он с раздражением, — нет преступлений, которые приходилось бы расследовать; на лучший конец попадают

мелкие подлости, мотивы которых так прозрачны, что в них могут разобраться даже агенты Скотлэнд-Ярда».

Легко заметить в Шерлоке Холмсе черты своеобразного демократизма. Нередко он не считает нужным скрыть свое презрение к аристократам, обращающимся к нему за помощью. Так, в рассказе «Скандал в Богемии» богемский король оказывается куда менее интересной личностью, чем его бывшая любовница, маленькая актриса. Шерлок Холмс из любви к искусству помогает королю, но он настолько откровенно презирает своего знатного клиента, что отказывается пожать протянутую королем в знак благодарности руку. В рассказе «Случай в интернате» Шерлок Холмс точь-в-точь с таким же презрением относится к герцогу, представителю английской знати, усматривая в его поведении неблаговидные, мелкие и низменные побуждения. Но этот демократизм вовсе не означает, что Шерлок Холмс является противником знати и в какой-то степени относится отрицательно к законам того общества, в котором он живет. Если он почти не скрывает презрения к недостаточно изоциренному преступнику-герцогу Гольдернесскому, то зато о крупном преступнике Мориэрти Холмс всегда говорит с трудно скрываемым восхищением. Когда однажды полицейский заподозрил самого Холмса в преступлении, — тот спокойно ответил: «Не вздумайте меня арестовать по подозрению в убийстве... Я из своры собак, а не волк!» Из поведения Холмса в этой сцене следует, что он не видит различия между «волками» и «собаками», между преступником и сыщиком. Он думает, что ничего в жизни не изменилось бы, если бы «собака» и «волк» поменялись ролями. Ведь втайне Шерлок Холмс очень хорошо понимает, что в том обществе, где он живет, жизнь невозможна без преступлений, и поэтому «багровый след» убийства, с его точки зрения, столь же закономерное явление, как «бесцветная паутина жизни».

Хотя в этих рассказах речь идет преимущественно о преступлениях, в итоге мы все же получаем довольно полную картину жизни буржуазной Англии конца XIX века. Происходит это, во-первых, потому, что само преступление в той форме, которую показывает Конан Дойл, — достаточно типичное явление для буржуазного строя, и, во-вторых, потому, что, как мы видели, Конан Дойл расширяет понятие преступления, он пишет не только об убийствах и кражах, но и о преступлениях, которые не укладываются в границы обычного буржуазного права.

Этим нам интересен Шерлок Холмс со своими «приключениями»: рассказы помогут читателю книги понять многое в капиталистическом мире. Но если поэтому поучительно следить за действиями и рассуждениями Шерлока Холмса, то, вместе с тем, нельзя забывать, что ум его циничен и сам он является плотью от плоти той среды, в которой он находит преступников, и сам он показателен для своей среды не меньше, чем те, кого он предает суду законов.

Впрочем, он не всегда предает их суду, и это одна из самых любопытных его черт, и она говорит о нем иногда больше, чем самые его блестящие догадки. Вот, например, рассказ «Случай в интернате». Преступление, описанное в нем, очень типично для рассказов Конан Дойла. Незаконный сын герцога Гольдернесского решил овладеть хотя бы частью наследства, которое принадлежит законному сыну. Он крадет законного наследника из аристократического интерната, чтобы шантажировать отца. При этом убит ни в чем не повинный человек. Отец прикрывает преступника и, таким образом, является соучастником, если не главным виновником преступления. С обычным для него мастерством Шерлок Холмс раскрывает преступление, угадывая темные побуждения герцога и его старшего сына, и обвиняет в преступлении самого отца. «Я обвиняю вас», — эта реплика Шерлока Холмса, обращенная к герцогу, не просто искусно по-

строенная вершина сюжетного напряжения, она показывает, как хорошо Шерлок Холмс понимает тех, на кого он работает, их низменную психологию и низменные цели. Но в этой же ситуации он разоблачает и себя. Найдя главных преступников — герцога и его сына, он ограничивается тем, что предает суду их сообщника, кабатчика Гейса. «Поскольку правосудие будет удовлетворено, я не вижу основания открывать все, что мне известно. Гейса ждет виселица, и я не буду стараться избавить его от петли». Так кончает Шерлок Холмс раскрытие этого преступления. Конечно, он не верит тому, что «правосудие будет удовлетворено». Доводы герцога, что ни он, ни его сын не участвовали в убийстве непосредственно, могут вызвать у Холмса только улыбку. Но как характерно его поведение в этой сцене! Разыгрывая алчного человека и требуя шесть тысяч фунтов вознаграждения, Холмс тем самым дает понять герцогу, что приравнивает его к кабатчику, к убийце Гейсу. И все же, кабатчика он предает суду, а герцога и его сына спасает. Тем самым Холмс плюет на то «правосудие», во имя которого он будто бы работает, и цинично отстраняется от этого неблагоприятного дела. Вымогая деньги у герцога, он доказывает свое презрение к нему, но герцога он только презирует, а для Гейса готовит виселицу. Виселица — для того, кто попался, а тот, кто сумел убить чужими руками, — пусть выкладывает денежки. Преступников так много, и всех все равно не засудишь. Самому Шерлоку Холмсу интересно лишь знать подноготную этих преступлений, а суду можно предать только попавшегося неудачника, остальные пусть спасают свою шкуру, — ему, Холмсу, до этого нет дела.

У Конан Дойла было много последователей. Некоторые из них довели технику, формальное мастерство детективного рассказа до большого совершенства и в этом смысле оставили Конан Дойла далеко позади. Они умеют придумать такую интригу, что у читателя захватывает

дух при чтении. Но по окончании книги в голове не остается ничего, ибо у такого рода писателей детектив стал абсолютно пустым и бессодержательным.

Не то, разумеется, мы испытываем при чтении Конан Дойла. Конан Дойл, немногим уступая этим писателям в занимательности, значительно выше их по своей познавательной и художественной ценности. Но до конца понять Конан Дойла и его героя можно лишь при сопоставлении его с великими реалистами прошлого и их героями. У великих реалистов прошлого — у Бальзака, Диккенса, Достоевского мы часто находим не меньшую сюжетную остроту при раскрытии внутренних пружин буржуазного общественного строя. Но герои этих великих писателей, сталкиваясь с изнанкой общественных отношений своей эпохи, преисполнялись горечью, отвращением, ненавистью. Они готовы были жертвовать своей жизнью для того, чтобы уничтожить тот мир неправды, который перед ними раскрывался. А Шерлок Холмс спокойно кладет в карман чек, полученный от герцога. Он испытывает не горечь и даже не отвращение, он проявляет хладнокровное любопытство, а иногда, если преступление очень уж необычайно, — удовольствие! Он вполне удовлетворен тем миром, в котором живет, хотя и знает его лучше, чем рядовые представители этого мира. Свой тонкий и проницательный ум Холмс употребляет лишь на то, чтобы поддержать общественный порядок, который порождает преступление и неправду.

П. Громов, Б. Костелянец.